

Реализация наследственных прав в условиях применения репродуктивных технологий

Резюме. В статье анализируется значение репродуктивных технологий в сфере наследственного права, рассматриваются условия реализации прав наследников по закону или завещанию на репродуктивный материал после смерти предоставившего его лица, а также вопросы, связанные с установлением факта происхождения ребенка от конкретных лиц. Автор отмечает, что названные проблемы в большей степени регламентированы в странах общего права, в судебной практике которых постепенно сформировалось поддерживаемое доктриной представление о возможности распоряжения биоматериалом на случай смерти и о посмертном зачатии ребенка как основании установления его происхождения и признания за ним наследственных прав. Затронутые вопросы широко дискутируются в современной доктрине, но в действующем законодательстве соответствующих указаний не содержится, а в российской судебной практике по-прежнему доминирует консервативный подход к их решению. На основании исследования наиболее значимых позиций, сформулированных в судебной практике зарубежных государств, делается вывод о целесообразности творческого заимствования наиболее удачных из них в дальнейшем развитии российского наследственного права и о необходимости перевода в правовое поле решения сложных этических проблем, связанных с рождением посмертного потомства. С целью расширения завещательной правоспособности российских граждан и с учетом возможностей современных вспомогательных репродуктивных технологий предлагается допустить переход репродуктивного биологического материала умершего лица к пережившему супругу или родителям, закрепить право граждан распорядиться в завещании таким материалом и предусмотреть возможность включить в число наследников по завещанию родившихся живыми детей, зачатых в течение трех лет после смерти завещателя.

Ключевые слова: репродуктивные технологии; наследственные права; посмертное зачатие; эмбрионы; распоряжение биоматериалом на случай смерти

Для цитирования: Михайлова И. А. Реализация наследственных прав в условиях применения репродуктивных технологий. *Lex russica*. 2025. Т. 78. № 3. С. 131–141. DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.131-141

Implementation of Inheritance Rights in the Context of the Use of Reproductive Technologies

Irina A. Mikhailova

Russian State Academy of Intellectual Property
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper analyzes the importance of reproductive technologies as to inheritance law, examines the conditions for the exercise of the rights of heirs by law or will to reproductive material after the death of the person who provided it, as well as issues related to the establishment of the fact of the child's descent from specific persons. The author notes that these problems are more regulated in common law countries, the judicial practice of which has gradually developed the doctrine-supported concept of the possibility of disposing of biomaterials in case of death and posthumous conception of a child as the basis for establishing its origin and

recognizing its inheritance rights. The issues raised are widely discussed in modern doctrine, but the current legislation does not contain any relevant instructions, and the conservative approach to their solution still dominates in Russian judicial practice. Based on the study of the most significant opinions of foreign courts, the author makes a conclusion about the expediency of creatively borrowing the most successful of them in the further development of Russian inheritance law and the need to transfer to the legal field solutions to complex ethical problems associated with the birth of posthumous offspring. In order to expand the testamentary capacity of Russian citizens and taking into account the possibilities of modern assisted reproductive technologies, it is proposed to allow the transfer of the reproductive biological material of the deceased person to the surviving spouse or parents, to consolidate the right of citizens to dispose of such material in a will and to provide for the possibility of including living children born within 3 years after the death of the testator among the heirs.

Keywords: reproductive technologies; inheritance rights; posthumous conception; embryos; disposal of biomaterials in case of death

Cite as: Mikhailova IA. Implementation of Inheritance Rights in the Context of the Use of Reproductive Technologies. *Lex russica*. 2025;78(3):131-141. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2025.220.3.131-141

Введение. Последние достижения российской и мировой медицины в области репродуктивных технологий существенно изменили одну из важнейших сфер человеческого существования, создав условия для получения потомства умерших лиц, зачатого уже после их смерти, что открывает новые горизонты и придает смысл жизни их супругам или родителям. Благодаря инновационным репродуктивным технологиям была сформирована новая социальная и правовая среда, в которой, с одной стороны, на признание себя родителями родившегося ребенка могут претендовать несколько человек, в том числе лица, предоставившие генетический материал (доноры), суррогатная мать, супруги, заключившие соответствующие договоры, а с другой — ребенок может оказаться без одного или обоих законных родителей.

Осознание масштаба и значения таких экзистенциальных перемен, раздвигающих границы между жизнью и смертью, ближе представителям философии и медицины, но они имеют и весьма значимое цивилистическое преломление, так как применение или возможность применения вспомогательных репродуктивных технологий (ВРТ) порождает множество сложных вопросов, относящихся к гражданскому, семейному и наследственному праву, и неизбежно влечет необходимость трансформации наиболее консервативных правовых институтов. Об этом свидетельствуют материалы судебной практики, в которых всё чаще предметом судебного разбирательства становятся обстоятельства так называемой посмертной репро-

дукции, неразрывно связанные с вопросом об условиях реализации наследственных прав на репродуктивный материал после смерти предоставившего его лица.

Основная часть. Один из первых в отечественной практике случаев применения посмертных репродуктивных программ имел место в 2005 г. в Екатеринбурге, когда спустя два года после смерти А. его мать Н. инициировала рождение внука, воспользовавшись услугами суррогатной матери, в организм которой был имплантирован эмбрион, полученный с использованием вывезенного в Россию биологического материала умершего А.¹

В настоящее время подобные ситуации возникают во многих регионах России. Так, Октябрьский районный суд г. Омска рассмотрел дело по иску Н. к медицинскому центру о передаче ему криоконсервированной спермы умершего сына для дальнейшего ее использования путем применения суррогатного материнства в целях рождения внука или внучки («продолжения рода»). По договору, заключенному между его сыном и медицинским центром, истец был назначен лицом, уполномоченным решать вопросы хранения данного биоматериала, который на момент обращения в суд находился на хранении у ответчика.

Рассмотрев обстоятельства дела, суд указал, что из прямого содержания положений Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»² следует, что сдача и хранение биоматериала в виде криоконсервированной спермы осуществля-

¹ См.: Добрынина С. Впервые в России родился мальчик, отец которого умер до зачатия сына // URL: <https://rg.ru/2006/01/27/rebenok.html> (дата обращения: 12.05.2024).

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.

ется исключительно в целях лечения мужчины и женщины для восстановления и обеспечения их репродуктивной функции, следовательно, включение такого биоматериала в состав наследственной массы противоречит предписаниям, содержащимся в семейном и гражданском законодательстве РФ, а также этическим и моральным нормам. Отказывая в иске, суд также сослался на тот факт, что наследодателем были даны указания об использовании данного биоматериала только при его жизни³.

Сформулированная судом позиция имеет весьма важное, принципиальное значение: суд, с одной стороны, посчитал юридически невозможным и этически неприемлемым включение данного вида репродуктивных материалов в состав наследственной массы, а с другой — фактически признал возможным завещательное распоряжение наследодателем собственным биоматериалом, хотя в действующем законодательстве предпосылок к такому признанию не имеется.

Отмеченные противоречивость и непоследовательность аргументации встречаются и в иных судебных актах, связанных с определением прав на рассматриваемые объекты. Так, в Одинцовский городской суд Московской области поступило исковое заявление, основанием которого стал отказ медицинского центра в перезаключении пережившим супругом договора о предоставлении ему права распоряжения криоконсервированными эмбрионами, хотя из информированного добровольного согласия пережившего супруга на проведение процедуры криоконсервации и хранение эмбрионов следовало, что именно к нему переходит право на распоряжение судьбой эмбрионов⁴.

Суд пришел к выводу об отсутствии оснований для удовлетворения иска, указав, что «репродуктивное право, являясь личным неимущественным правом, не входит в состав наследства (абз. 3 ст. 1112, абз. 3 ст. 1112 ГК РФ⁵) и не переходит к другим лицам ни в порядке уни-

версального, ни в порядке сингулярного правопреемства». Суд также отметил, что, несмотря на то что репродуктивное право на эмбрион принадлежит совместно лицам, выразившим волю на применение метода ВРТ, в результате которого эмбрион был создан, оно, в соответствии с п. 2 ст. 31 СК РФ⁶, осуществляется только по взаимному согласию правообладателей.

Аргументы, положенные в основу приведенной судебной позиции, в том числе довод о невозможности достижения согласия с умершим супругом, представляются недостаточно убедительными и даже парадоксальными. Сложность решения рассматриваемой проблемы обусловлена тем, что приказ Минздрава России от 31.07.2020 № 803н «О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению»⁷ не содержит положений, определяющих судьбу эмбриона в случае смерти одного из супругов. Минздрав ограничился указанием о том, что решение о дальнейшей тактике (донорство, криоконсервация, утилизация) в отношении неиспользованных половых клеток и эмбрионов принимают лица, которым они принадлежат, путем заключения соответствующих гражданско-правовых договоров. Представляется, что приведенное положение не может рассматриваться в качестве императивного запрета или препятствия для предоставления пережившему супругу права распоряжаться эмбрионом по своему усмотрению любым из названных способов, а напротив, фактически признает за ним возможность реализации имеющегося у него «репродуктивного права».

Принципиальный вопрос о правовом статусе не только эмбриона, но и других биоматериалов после смерти предоставившего их лица или лица, заключившего соответствующий договор, остается не решенным и на доктринальном уровне, несмотря на то что всё больше современных ученых обращаются к его анализу и обсуждению⁸. Весьма глубокий и всесторон-

³ См.: решение Октябрьского районного суда города Омска от 18.12.2019 по делу № 2-3490/2019.

⁴ См.: решение Одинцовского городского суда Московской области от 21.11.2022 по делу № 2-12139/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2023).

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (в ред. от 24.07.2023 № 362-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2024).

⁶ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 26 октября 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2024).

⁷ СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2023).

⁸ См., например: Гландин С. В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // URL: <http://www.igzakon.ru/magazine340> (дата обра-

ний анализ правового режима репродуктивного биологического материала провела Д. А. Белова, по мнению которой «применительно к половым клеткам и тканям репродуктивных органов интерес лица состоит не в приобретении над ними фактического и правового господства как такового, а в приобретении или, напротив, неприобретении родительских прав и обязанностей в отношении ребенка, родившегося в результате их использования, причем обозначенный интерес должен быть опосредован не вещным, а репродуктивным правом»⁹.

С приведенным утверждением следует полностью согласиться. Представляется бесспорным, что ценность тех или иных видов репродуктивного биологического материала заключается исключительно в возможности их использования при осуществлении вспомогательных технологий, направленных на зачатие и рождение ребенка уже после смерти предоставившего материал лица, что может иметь жизненно важное значение для его супруги или родителей.

В рамках настоящего исследования возможна только постановка проблемы, заключающейся в признании или, напротив, непризнании целесообразности включения в наследственную массу репродуктивного материала, предоставленного умершим при его жизни либо созданного при его содействии. На первый взгляд возможность такого законодательного решения кажется выходящей за рамки устоявшихся цивилистических представлений, но она ничуть не менее реалистична, чем включение в гражданский оборот цифровых технологий, ставших в течение последних лет неотъемлемой составляющей всех сфер жизни и деятель-

ности физических и юридических лиц. Новой редакцией ст. 128 ГК РФ¹⁰ (федеральные законы от 18.03.2019 № 34-ФЗ¹¹ и от 24.07.2023 № 339-ФЗ¹²) к объектам гражданских прав отнесены, помимо традиционных объектов, безналичные денежные средства, в том числе цифровые рубли, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права. Названные объекты существуют в информационном поле, вне возможностей их материального осязания, однако после их введения в гражданский оборот факты наследования различных видов цифровых активов получают всё более широкое распространение в отечественной наследственной практике и всё активнее обсуждаются в современной доктрине¹³.

Представляется, что используемые современной медициной репродукционные материалы имеют гораздо более важное значение, чем названные объекты, так как для многих российских граждан от их применения зависит возможность появления потомства от умерших детей, продолжение рода и обретение смысла жизни. Право иметь потомство не названо в ст. 150 ГК РФ среди нематериальных благ и личных неимущественных прав, но законодатель признает за российскими гражданами и иные нематериальные блага, реализация которых в рассматриваемых ситуациях возможна только при использовании тех или иных ВРТ. Положение о том, что в случаях и в порядке, предусмотренных законом, нематериальные блага, принадлежавшие умершему, могут защищаться другими лицами, подлежит применению и к тем ситуациям, когда неосуществленное умершим при его жизни право иметь потомство защищается (реализуется) его родителями или супругой.

щения: 12.07.2024) ; *Пестрикова А. А.* Наследственные права и правовой статус эмбриона // *Наследственное право*. 2009. № 4. С. 20–22.

⁹ *Белова Д. А.* Правовой режим репродуктивного биологического материала // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 7 (176). С. 111–121.

¹⁰ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в ред. Федерального закона от 08.08.2024 № 237-ФЗ) // *СЗ РФ*. 1994. № 32. Ст. 3301.

¹¹ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2019. № 12. Ст. 1224.

¹² Федеральный закон от 24.07.2023 № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // *СЗ РФ*. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.

¹³ См., например: *Кириллова Е. А.* Основные проблемы наследования цифровых активов // *Наследственное право*. 2020. № 2. С. 37–39 ; *Гапанович А. В.* К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // *Наследственное право*. 2020. № 2. С. 40–43 ; *Михайлова И. А., Романова И. Н.* Проблемы наследования цифровых активов и возможные направления их решения // *Нотариус*. 2022. № 2. С. 3–8.

В статье 38 Конституции РФ закреплено: «Материнство и детство, семья находятся под защитой государства». Очевидно, что приведенная конституционная норма должна распространяться и на случаи посмертной репродукции, что обуславливает целесообразность законодательного признания права на переход репродуктивных материалов, предоставленных наследодателем при его жизни, к его наследникам. Такая возможность, как отмечалось, была фактически признана судом, рассматривавшим спор по поводу перехода названных объектов после смерти правообладателя к его супругу или родителям¹⁴.

Затронутый вопрос по-разному решается в зарубежных государствах. В странах общего права он изначально дискутировался на уровне динамично развивавшейся судебной практики: сначала в ней признавалось, что замороженные эмбрионы не пользуются защитой, которую закон предоставляет «нерожденным»¹⁵, но затем правовой статус эмбрионов стали трактовать как некое промежуточное правовое положение между личностью и собственностью¹⁶. Далее суды сформулировали вывод о том, что, «поскольку ткани эмбриона обладают такими качествами, как индивидуальность и уникальность, он не может являться объектом права собственности», однако приведенное положение не помешало в конечном счете прийти к выводу о возможности посмертного использования такого рода биоматериала при наличии письменного согласия на посмертное зачатие и ограничении срока, в течение которого оно должно произойти¹⁷.

При этом отмечается, что признание права на переход репродуктивного биологического материала по наследству порождает ряд сложных практических проблем, связанных с

несением расходов на их хранение, которое потенциально может осуществляться в течение нескольких лет, возможностью и порядком их отчуждения по воле генетического родителя или уничтожения медицинской организацией и т.п. В частности, уделяется внимание тому, должен ли владелец репродуктивного материала позаботиться о решении таких вопросов путем, например, учреждения соответствующего траста¹⁸.

В странах ЕС к подобным идеям относятся скептически, учитывая тот факт, что ЕСПЧ не поддержал идею защиты жизни эмбриона. Кроме того, в целом ряде европейских государств (Болгария, Германия, Италия, Мальта, Португалия, Франция, Хорватия, Швейцария) суррогатное материнство прямо запрещено, а иногда влечет уголовную ответственность (ст. 227-13 Уголовного кодекса Франции¹⁹). В Швейцарии запрет на пожертвование эмбрионов и все виды суррогатного материнства закреплен в п. d ч. 2 ст. 119 Конституции²⁰. Вследствие отмеченных факторов многие вопросы наследования, возникающие при посмертном репродукции, дискутируемые в странах общего права, во многих европейских странах в настоящее время своего разрешения не нашли.

Отмеченное многообразие законодательных подходов характерно и для решения проблем, связанных с признанием наследственных прав детей, родившихся в результате применения ВРТ. В большинстве случаев законодатель достаточно отчетливо формулирует свою позицию относительно установления происхождения детей в подобных случаях, обуславливая тем самым реализацию ими наследственных прав. Анализ и сопоставление подходов к решению отмеченных проблем в российском и зарубежном законодательстве позволяет выделить

¹⁴ См.: решение Октябрьского районного суда города Омска от 18.12.2019 по делу № 2-3490/2019.

¹⁵ См.: *Roche v. Roche* (2010) 2 IR 321; (2009) IESC 82 // URL: <http://www.bailii.org/ie/cases/IESC/2009/S82.html>.

¹⁶ См.: *Davis v. Davis* 842 S.W.2d 588 (1992) // URL: <https://law.justia.com/cases/tennessee/supreme-court/1992/842-s-w-2d588-2.html>.

¹⁷ См.: *Matter of Martin B.*, 17 Misc.3d 198, 841 N.Y.S. 2d 207 (Sur. Ct. New York Co. 2007) // URL: <https://opencasebook.org/casebooks/36-genetics-and-reproductive-technology-legal-ethical-issues/resources/6.3-in-the-matter-of-martin-b/>.

¹⁸ См.: *Radigan C. R., Schoenhaar D. R.* Statutory Inheritance Rights of a Posthumously Conceived Child // *New York Law Journal*. 2015. № 1. URL: <http://www.newyorklawjournal.com/prINTERfriendly/id=1202714574785>.

¹⁹ Уголовный кодекс Франции от 06.12.2019 // URL: <https://constitutions.ru/?p=25017&ysclid=lb5zx46ui639838402>.

²⁰ Союзная Конституция Швейцарской Конфедерации от 18.04.1999 // Конституции государств Европы. М. : Норма, 2001.

две ситуации, влекущие различные правовые последствия: 1) прямое или анонимное использование донорского материала и 2) рождение ребенка вследствие предоставления услуг суррогатной матери, которое, как отмечалось, в ряде европейских государств существенно ограничено или прямо запрещено.

В отличие от Европы, в США законодатель регламентирует практически все наиболее важные аспекты отношений, возникающих при применении ВРТ, что стало результатом постепенно сложившейся судебной практики. Еще в 1969 г. в Едином кодексе о завещании²¹ было установлено, что в случае использования донорского материала ориентиром для установления происхождения ребенка являются сведения, содержащиеся в свидетельстве о его рождении, идентифицирующие физическое лицо, отличное от биологической матери или отца, в качестве родителя ребенка.

Следует отметить, что в США встречается нетипичная, даже уникальная для российского правового порядка ситуация, когда донор дает согласие на осуществление им вспомогательной репродукции с условием, чтобы к нему относились как к другому родителю родившегося ребенка. Согласие на это биологической матери подтверждается, помимо соответствующей записи, тем обстоятельством, что донор выполнял функции родителя ребенка в первые два года после его рождения или имел такие намерения, но был лишен возможности их реализовать из-за смерти, недееспособности или других обстоятельств. Обращение с донором как с родителем возможно и в отношении посмертно зачатого ребенка, если это подтверждается убедительными доказательствами. Любые подобные заявления, сделанные по истечении двухлетнего срока, наследственных отношений между донором и ребенком не порождают, если только это физическое лицо не выступало в качестве родителя ребенка до достижения им 18-летнего возраста. Приведенные положения отражают стремление законодателя всемерно обеспечить донору возможность осуществления его личных неимущественных прав в отношении ребенка, зачатие которого произошло благо-

даря предоставленным им биологическим материалам.

Признание наследственных прав такого ребенка в отношении биологического отца, т.е. донора, предоставившего репродуктивный материал, как правило, обуславливается наличием брачных отношений, позволяющих закрепить ряд законодательных презумпций. Так, если биологическая мать состоит в браке, то при отсутствии доказательств обратного родителем ребенка, родившегося с помощью репродуктивных технологий, признается ее супруг. Та же презумпция действует и в случае последующей смерти супруга и инициированной супругой посмертной репродукции. Если же супружеская пара разводится до введения яйцеклеток, сперматозоидов или эмбрионов, то ребенок, родившийся в результате вспомогательной репродукции, не признается ребенком бывшего супруга биологической матери, если супруг не дал письменного согласия на такое признание.

Вопросы, связанные с признанием наследственных прав детей, родившихся в результате применения ВРТ, всё чаще возникают и в российской судебной практике.

В этом плане показательным следующее дело. П. обратился в суд с иском к Б. и Г. об уменьшении их наследственных долей, указав, что после смерти его супруги, которая прибегла к ЭКО на основании совместно принятого супругами решения, остался эмбрион, находящийся на криоконсервации. Истец полагал, что, поскольку жизнеспособный эмбрион, зачатый при жизни наследодателя (его супруги), после подсадки суррогатной матери и вынашивания плода с высокой долей вероятности выживет, согласно ст. 1141, 1142, 1116 ГК РФ ребенок будет иметь право на долю в наследстве, поэтому доли остальных наследников подлежат уменьшению. Суд с доводами истца не согласился, указав, что моментом рождения ребенка, согласно приказу Минздравсоцразвития России «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи»²², признается момент отделения плода от организма матери посредством родов. По мнению Московского областного суда, наличие криоконсервирован-

²¹ Uniform probate code (1969) // URL: <https://eforms.com/images/2016/06/Uniform-Probate-Code-Revised-2010.pdf>.

²² Приказ Минздравсоцразвития России от 27.12.2011 № 1687н (ред. от 13.10.2021) «О медицинских критериях рождения, форме документа о рождении и порядке его выдачи» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.05.2024).

ного эмбриона само по себе не порождает правовых последствий в виде изменения наследственных прав других наследников, поскольку эмбрион не может приобрести статус наследника в смысле ст. 1116 ГК РФ, если его имплантация (наступление зачатия и развитие беременности) не была произведена до открытия наследства (смерти наследодателя) и, следовательно, ребенок еще не родился²³.

К аналогичному выводу пришел и Долгопрудненский городской суд Московской области²⁴, указавший, что ввиду неопределенности сроков имплантации эмбриона и его вынашивания суррогатной матерью заранее определить конкретную дату рождения ребенка невозможно, на основании чего в удовлетворении требований истца об уменьшении наследственных долей имеющих наследников было отказано.

Рассмотренные судебные решения полностью соответствуют ст. 1116 ГК РФ, предусматривающей, что зачатие потенциального наследника должно иметь место только при жизни наследодателя. Данное условие призвания к наследованию подвергают критике некоторые представители современной доктрины. В частности, Е. М. Журавлева предлагает призывать к наследованию не только граждан, находящихся в живых в день открытия наследства и зачатых при жизни наследодателя при условии рождения их живыми после открытия наследства, но и ребенка наследодателя, зачатого после его смерти в течение шести месяцев, при условии доказанности воли наследодателя на такое зачатие²⁵. К выводу о целесообразности изменения рассматриваемого законодательного положения приходят и другие авторы, в том числе А. Ю. Касаткина, предлагающая закрепить возможность установления факта отцовства или факта признания отцовства в отношении ребенка, зачатого и родившегося после смерти отца, чей генетический материал использовался при посмертной репродукции, и права ребенка на наследство этого лица²⁶.

Полностью соглашаясь с приведенными предложениями, считаем разумным и справедливым закрепить право гражданина указать в завещании в качестве наследника не только сына или дочь, зачатых и, соответственно, родившихся уже после его смерти, но также внука или внучку, появившихся на свет в результате посмертной репродукции, подназначив другого наследника на случай, если названные обстоятельства не наступят в течение указанного в завещании срока. Достаточно часто граждане, мечтающие о рождении внуков, не доживают до этого события или до наступления желаемой беременности (сын или дочь не встретили спутника жизни, не вступили в брак, испытывают сложности с зачатием и рождением ребенка и др.) и, таким образом, не имеют возможности завещать принадлежащее им имущество внукам, которые будут зачаты и рождены уже после их смерти.

Полагаем, что настало время продлить 300-дневный срок с момента смерти наследодателя, в течение которого будущий наследник должен появиться на свет, хотя бы до трех лет. Бесспорно, что легализация рассматриваемой возможности неизбежно осложнит наследственный процесс, приведет к необходимости решения вопросов, связанных с обеспечением сохранности наследственного имущества, однако действующее наследственное законодательство России и потенциал современной науки наследственного права достигли столь высокого уровня, что имеются все основания верить в оптимальное разрешение вопросов и проблем, возникающих в связи с предлагаемой новеллизацией²⁷.

В законодательстве многих государств рассмотренные ограничения отсутствуют, что позволяет гражданам при назначении наследников в завещании выходить далеко за границы собственного земного существования, устанавливая неопределенно отдаленный момент призвания их к наследству. Подобное завещание

²³ См.: апелляционное определение Московского областного суда от 02.02.2022 по делу № 33-4577/2022 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.06.2023).

²⁴ См.: решение Долгопрудненского городского суда Московской области от 06.10.2021 по делу № 2-1464/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 12.08.2024).

²⁵ Журавлева Е. М. Статус nasciturus в гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8–10.

²⁶ Касаткина А. Ю. Осуществление наследственных прав ребенка в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. С. 9.

²⁷ См. подробнее: Михайлова И. А. К вопросу о субъектах наследственного правопреемства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 10. С. 17–23.

упоминается Д. Голсуорси в «Сage о Форсайтах», один из героев которой — состоятельный бизнесмен Тимоти Форсайт, никогда не вступавший в брак и никогда не имевший детей, оставил завещание в пользу того из наследников по прямой линии основателя рода Джеймса Форсайта, который родится последним при жизни всех потомков названного лица, находящихся в живых к моменту открытия наследства. Примерные подсчеты показали, что это произойдет через 70–80 лет, а наследник вступит в наследственные права по достижении им совершеннолетия, т.е. еще через 21 год.

Рассматриваемая проблема долго дискутировалась в США²⁸, и победу в дискуссии одержали сторонники концепции «посмертного признания прав ребенка». В результате в ст. 2-121 Единого закона США о завещании было закреплено положение о том, что физическое лицо признается родителем ребенка, рожденного с помощью репродуктивных технологий, если он был зачат после смерти последнего и находился в утробе матери не позднее 36 месяцев после смерти индивида или если ребенок родился не позднее чем через 45 месяцев после смерти отца. Считается, что подобная правовая возможность представляет собой разумную компенсацию матери ребенка за неудачные попытки забеременеть при жизни наследодателя, а также инструмент защиты интересов ребенка, которому таким образом будут предоставлены необходимые финансовые средства из наследства его умершего отца²⁹. Разумеется, во всех рассматриваемых случаях речь идет о прямом донорстве и соответствующем волеизъявлении наследодателя.

В некоторых штатах США весьма подробно формализован процесс признания наследственных прав ребенка, родившегося после смерти его предполагаемого родителя. Так, согласно ст. 4.3.1 Закона штата Нью-Йорк об имуществе, полномочиях и трастах³⁰ ребенок признается ребенком своего предполагаемого родителя с признанием его наследственных прав, если будет установлено следующее: 1) последний в письменном документе, оформленном в соответствии с предусмотренными законом требованиями, не более чем за семь лет до своей смерти дал явное согласие на то, что он

будет признан родителем ребенка, родившегося в результате применения вспомогательной репродукции после его смерти; 2) уполномочил конкретное лицо принимать решения об использовании своего генетического материала после смерти; 3) уполномоченное лицо в течение семи месяцев направило письменное уведомление лицу, осуществляющему управление имуществом умершего, о том, что генетический материал предполагаемого родителя доступен для зачатия ребенка суррогатной матерью.

Указанный документ должен быть подписан предполагаемым родителем и двумя совершеннолетними свидетелями, ни один из которых не является лицом, уполномоченным принимать решения об использовании генетического материала умершего родителя. Волеизъявление может быть аннулировано только письменным документом, подписанным предполагаемым родителем и оформленным тем же образом, что и документ, который он аннулирует, а также решением суда о разводе, признании брака недействительным или о раздельном проживании супругов.

В российской практике сложные вопросы относительно определения наследственных прав детей, рожденных вследствие применения ВРТ, иногда возникают и в случаях зачатия, имевшего место при жизни родителей ребенка. Речь идет о применении суррогатного материнства, которое, как уже отмечалось, во многих европейских государствах либо существенно ограничено, либо вообще запрещено. Приоритет волеизъявления суррогатной матери при определении судьбы рожденного ею ребенка выражается в норме, согласно которой его биологические (генетические) родители, т.е. супруги, предоставившие генетический материал, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия суррогатной матери (абз. 2 ч. 4 ст. 51 СК РФ). Рассматриваемый законодательный подход может повлечь крайне негативные последствия, причем не только в случае отказа суррогатной матери передать ребенка супругам, заключившим с ней договор, но и в другой, гораздо менее очевидной, но гипотетически возможной ситуации — смерти суррогатной матери.

Пунктом 1 ст. 48 СК РФ установлено, что матерью признается женщина, родившая ре-

²⁸ См.: *Shapo H. S. Matters of Life and Death: Inheritance Consequences of Reproductive Technologies* // *Hofstra Law Review*. 1997. Vol. 25. Iss. 4. Art. 3. P. 1091–1223.

²⁹ См.: *Shapo H. S. Op. cit.* P. 1218–1219.

³⁰ *Estates, Powers and Trusts Law* // URL: <https://law.justia.com/codes/new-york/2021/ept/article-4/part-1/4-1-3/>.

бенка, поэтому в случае смерти суррогатной матери во время родов именно она записывается матерью в книге записи актов рождения ребенка. Такая запись является основанием возникновения наследственных правоотношений между ребенком и умершей суррогатной матерью, что, по мнению К. А. Жириковой, противоречит логике правовых отношений, возникающих на основании договора о суррогатном материнстве³¹.

С приведенным положением следует полностью согласиться, добавив к нему, что посмертная регистрация суррогатной матери в качестве матери рожденного ею ребенка противоречит действующему законодательству, требующему ее прямого волеизъявления по вопросам регистрации. Главным дефектом такой регистрации является тот факт, что она нарушает право ребенка жить и воспитываться в семье (ст. 54 СК РФ), т.е. с супругами, предоставившими генетический материал и являющимися его биологическими родителями. Кроме того, регистрация ребенка, рожденного умершей суррогатной матерью, в качестве ее сына или дочери может нарушить наследственные права имеющихся у нее наследников, в том числе ее собственных детей, ее супруга или родителей.

Не менее сложные вопросы возникают и в случае смерти одного или обоих супругов, предоставивших генетический материал. При этом рожденный суррогатной матерью ребенок уже не может быть им передан в соответствии с заключенным договором, поэтому будет зарегистрирован в качестве ребенка суррогатной матери. Представляется бесспорным, что в рассматриваемой ситуации интересам ребенка в гораздо большей степени отвечает признание его ребенком умерших супругов, заключивших договор с суррогатной матерью (его биологических, генетических родителей). Такое решение обеспечит не только наследственные права ребенка, но его духовное, физическое, интеллектуальное развитие, о котором будут заботиться родственники умерших родителей, в первую очередь дедушки и бабушки ребенка, которые в большинстве случаев так же мечтали о его рождении, как их умершие дети.

Подобные предложения уже высказывались в современной доктрине, в частности А. А. Пе-

стриковой, по мнению которой недостатки правового регулирования данного института в Российской Федерации совершенно очевидны, и с целью их устранения необходимо внести соответствующие изменения в законодательство для защиты прав, в том числе и наследственных, детей, рожденных при использовании суррогатного материнства³².

Рассматриваемая коллизия имеет принципиальное значение. Полагаем, что закрепленный в действующем законодательстве приоритет волеизъявления суррогатной матери, оставляющий в тени имущественную направленность договора, заключенного ею с супругами, предоставившими генетический материал, и игнорирование родительских прав и интересов названных лиц противоречит логике правового регулирования имущественных и личных неимущественных правоотношений, так как в результате такого подхода биологические родители ребенка лишаются своих родительских прав, а ребенок, рожденный суррогатной матерью, лишается не только права жить и воспитываться в семье, но и прав на наследство своих умерших родителей и их родственников.

Заключение. Всё вышеизложенное свидетельствует о целесообразности дальнейшего развития и трансформации рассмотренных институтов российского наследственного права с учетом позиций, сформулированных российскими учеными, и зарубежного опыта. Назрела необходимость перевода в правовое поле решения важных этических проблем, связанных с возможностью получения потомства от умершего лица, зачатого после его смерти, что может быть чрезвычайно важным как для пережившего супруга, так и для его родителей. В качестве направлений решения поставленной задачи представляется целесообразным, во-первых, легально признать возможность перехода репродуктивного биологического материала умершего лица к пережившему супругу или родителям, во-вторых, закрепить право граждан распорядиться в завещании таким материалом и, в-третьих, предусмотреть возможность включить в число наследников по завещанию родившихся живыми детей, зачатых в течение трех лет после смерти завещателя. Предлагаемые новеллы, соответству-

³¹ Жирикова К. А. Охрана наследственных прав ребенка, родившегося в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий // Наследственное право. 2021. № 1. С. 39–41.

³² Пестрикова А. А. О наследственных правах суррогатных детей (постановка проблемы) // Наследственное право. 2007. № 2. С. 18–19.

ющие конституционному положению о том, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ст. 38 Конституции РФ), существенно расширят завещатель-

ную правоспособность российских граждан в наиболее важной сфере человеческого существования — зачатия, рождения и воспитания потомства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белова Д. А. Правовой режим репродуктивного биологического материала // *Lex russica*. 2021. Т. 74. № 7 (176). С. 111–121.
- Воронцова С. Н. О наследственных правах суррогатных детей // Бюллетень нотариальной практики. 2009. № 1. С. 2–4.
- Гапанович А. В. К вопросу о наследовании виртуального имущества в социальных сетях // *Наследственное право*. 2020. № 2. С. 40–43.
- Гландин С. В. О статусе эмбриона человека в свете права на уважение личной и семейной жизни в европейском и российском праве // URL: <http://www.igzakon.ru/magazine340> (дата обращения: 12.07.2024).
- Добрынина С. Впервые в России родился мальчик, отец которого умер до зачатия сына // URL: <https://rg.ru/2006/01/27/rebenok.html> (дата обращения: 12.05.2024).
- Жирикова К. А. Охрана наследственных прав ребенка, родившегося в результате применения вспомогательных репродуктивных технологий // *Наследственное право*. 2021. № 1. С. 39–41.
- Журавлева Е. М. Статус nasciturus в гражданском праве Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 28 с.
- Касаткина А. Ю. Осуществление наследственных прав ребенка в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 23 с.
- Кириллова Е. А. Основные проблемы наследования цифровых активов // *Наследственное право*. 2020. № 2. С. 37–39.
- Михайлова И. А. К вопросу о субъектах наследственного правопреемства // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2018. № 10. С. 17–23.
- Михайлова И. А., Романова И. Н. Проблемы наследования цифровых активов и возможные направления их решения // *Нотариус*. 2022. № 2. С. 3–8.
- Пестрикова А. А. Наследственные права и правовой статус эмбриона // *Наследственное право*. 2009. № 4. С. 20–23.
- Пестрикова А. А. О наследственных правах суррогатных детей (постановка проблемы) // *Наследственное право*. 2007. № 2. С. 18–19.
- Radigan C. R., Schoenhaar D. R. Statutory Inheritance Rights of a Posthumously Conceived Child // *New York Law Journal*. 2015. Vol. 1. URL: <http://www.newyorklawjournal.com/prINTERfriendly/id=1202714574785>.
- Shapo H. S. Matters of Life and Death: Inheritance Consequences of Reproductive Technologies // *Hofstra Law Review*. 1997. Vol. 25. Iss. 4. Art. 3. P. 1091–1223.

REFERENCES

- Belova DA. Legal framework for reproductive biological material. *Lex russica*. 2021;74(7):111-121. (In Russ.).
- Dobrynina S. For the first time in Russia, a boy was born whose father died before conceiving a son. Available at: <https://rg.ru/2006/01/27/rebenok.html> [Accessed: 07.12.2024]. (In Russ.).
- Gapanovich AV. On the issue of inheritance of virtual property in social networks. *Nasledstvennoe pravo [Inheritance Law]*. 2020;2:40-43. (In Russ.).
- Glandin SV. On the status of the human embryo in the light of the right to respect for private and family life in European and Russian law. Available at: <http://www.igzakon.ru/magazine340> [Accessed: 07.12.2024]. (In Russ.).
- Kasatkina AYU. The implementation of the hereditary rights of the child in the Russian Federation. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2005. (In Russ.).
- Kirillova EA. The main problems of inheritance of digital assets. *Nasledstvennoe pravo [Inheritance Law]*. 2020;2:37-39. (In Russ.).

Mikhailova IA, Romanova IN. Problems of inheritance of digital assets and possible directions of their solution. *Notarius*. 2022;2:3-8. (In Russ.).

Mikhailova IA. On the issue of subjects of hereditary succession. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Russian Laws: Experience, Analysis, Practice]*. 2018;10:17-23. (In Russ.).

Pestrikova AA. Inheritance rights and the legal status of the embryo. *Nasledstvennoe pravo [Inheritance Law]*. 2009;4:20-22. (In Russ.).

Radigan CR, Schoenhaar DR. Statutory Inheritance Rights of a Posthumously Conceived Child. *New York Law Journal*. 2015;1. Available at: <http://www.newyorklawjournal.com/prINTERfriendly/id=1202714574785> [Accessed: 07.12.2024].

Shapo HS. Matters of Life and Death: Inheritance Consequences of Reproductive Technologies. *Hofstra Law Review*. 1997;25(4):1091-1223.

Vorontsova SN. On the inheritance rights of surrogate children. *Byulleten notarialnoy praktiki*. 2009;1:2-4. (In Russ.).

Zhirikova KA. Protection of the hereditary rights of a child born as a result of the use of assisted reproductive technologies. *Nasledstvennoe pravo [Inheritance Law]*. 2021;1:39-41. (In Russ.).

Zhuravleva EM. The status of the nasciturus in the civil law of the Russian Federation. The author's abstract of Cand. Diss. (Law). Moscow; 2014. (In Russ.). Pp. 8–10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михайлова Ирина Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности д. 55а, Миклухо-Маклая ул., г. Москва 117279, Российская Федерация
irina_mikhaylova@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina A. Mikhailova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Civil and Business Law, Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russian Federation
irina_mikhaylova@list.ru

Материал поступил в редакцию 13 августа 2024 г.

Статья получена после рецензирования 13 сентября 2024 г.

Принята к печати 15 февраля 2025 г.

Received 13.08.2024.

Revised 13.09.2024.

Accepted 15.02.2025.